

Владислав Владиславович ВОРОТНИКОВ,

кандидат исторических наук,

старший преподаватель Кафедры истории

и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России,

научный сотрудник Центра североевропейских

и балтийских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Для связи с автором: vorotnikov.vladislav@gmail.com

25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23

АННОТАЦИЯ. После обретения независимости в 1991 г. страны Балтии в качестве цели внутри- и внешнеполитического развития избрали перерождения на запад и интеграцию в евроатлантические структуры. При этом если НАТО (при ведущей роли США) рассматривается как «краеугольный камень» их безопасности, то Европейский Союз (ЕС) – как источник финансовой помощи и гарант экономической стабильности. В статье дается общая характеристика трансформационных процессов в странах Балтии в последние два с половиной десятилетия, а также подробно освещается практическая составляющая их членства в ЕС. Компаративный анализ политического и социально-экономического транзита стран Балтии демонстрирует сходство траекторий их развития. При этом позитивный эффект от вступления прибалтийских государств в ЕС затмевается теми социально-экономическими издержками, которые принесло необходимое для этого жесткое нелиберальное реформирование. Несмотря на отказ от роли геополитического и геоэкономического «моста» в отношениях России и Запада, российский фактор продолжа-

ет играть первоочередную роль во внутрисполитических процессах и внешней политике этих государств, в то же время в самих прибалтийских государствах предпочитают не называть себя постсоветскими. Конфронтационная позиция, которую заняли страны Балтии по отношению к России, определяется политико-идеологическими факторами, носит долгосрочный характер и оказывает деструктивное воздействие не только на двусторонний диалог, но и на отношения России и Европейского Союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страны Балтии, Прибалтика, Латвия, Литва, Эстония, политический транзит, социально-экономический транзит, Европейский Союз, ЕС, распад СССР, постсоветское пространство.

Трансформационные процессы, протекавшие в государствах Балтии (Латвии, Литве, Эстонии) в последние два с половиной десятилетия, отличает от других постсоветских/постсоциалистических государств Центрально-Восточной Европы то, что их история в последние три столетия была тесно связана с историей России, являясь,

более того, – за исключением нескольких десятилетий XX века и последних 25 лет – ее составной частью. Это накладывает весьма заметный отпечаток на происходящие в них и по сей день политические и социально-экономические процессы, их внешнюю политику и, одновременно с этим, вольно или невольно порождает содержательные параллели с историей «переходного периода» в России.

Выход из СССР

История последней независимости прибалтийских стран началась в годы советской «перестройки» с институциональным оформлением движений за независимость, первоначально возникших в прибалтийских республиках в 1988 г. как движения в поддержку перестройки, во главе которых после проведения с 1 по 3 апреля 1988 гг. объединенных пленумов творческих союзов во всех трех прибалтийских ССР встали в основном представители национальной творческой интеллигенции – причем не только титульной (т.е. латыши, литовцы, эстонцы), но и русскоязычной: 8 октября – Народный фронт в Латвии, 21–22 октября – «Саюдис» в Литве и 1–2 декабря – Народный фронт в Эстонии. Первоначальные требования необходимости реформирования договорной базы Союза ССР и расширения хозяйственной самостоятельности республик, не встречая серьезного сопротивления со стороны центра, а также обретя за год значительную массовую поддержку в самих республиках и моральную поддержку за рубежом, переросли в 1989–1990 гг. в требования суверенитета, а затем и независимости.

Первой республикой, открыто заявившей о своих претензиях на большую самостоятельность, стала Эстония – 16 ноября 1988 г. были приняты

«Декларация о суверенитете Эстонии» и закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Эстонской ССР». В Латвии и Литве сначала были приняты законы об экономической самостоятельности и о государственном языке, вступившие в прямое противоречие с Конституцией СССР. Затем, 26 мая 1989 г. (Литва) и 28 июля 1989 г. (Латвия), эти республики также приняли декларации о государственном суверенитете, в которых провозглашались приоритет республиканского законодательства над общесоюзным, политическая преемственность в отношении буржуазных республик межвоенного периода, утративших независимость вследствие «незаконных действий» СССР, и стремление к тому, что «в будущем отношения с СССР и другими государствами должны устанавливаться только на основе межгосударственных договоров»¹.

Параллельно с началом юридического оформления самостоятельности шел процесс обособления республиканских общественных организаций (профессиональных, творческих союзов) от общесоюзных. В республиках создавались новые, альтернативные печатные издания, в которых велась активная антисоветская пропаганда, формировалась неприязнь к Советскому Союзу, общей советской истории (надо сказать, что и в более ранний период в прессе на титульных языках, в отличие от русскоязычной прессы, печатались «несанкционированные партийными органами материалы» [Григорян Р., 2004: 162]). Проводились массовые акции ненасильственного характера, направленные на поддержку движения к большей самостоятельности (самая

¹ Декларация Верховного Совета Литовской Советской Социалистической Республики «О государственном суверенитете Литвы». Принята Верховным Советом Литовской ССР 26 мая 1989 г., Вильнюс. // <http://www.gorby.ru/userfiles/litva.pdf> (Дата обращения: 11.12.2016).

известная – «Балтийский путь» 23 августа 1989 г., выразившая солидарность между тремя прибалтийскими республиками в стремлении к независимости). Произошла сепаратизация Компартий республик, в результате которой в них образовались по две Коммунистических партии – самостоятельная республиканская и на платформе общесоюзной КПСС.

Наиболее серьезным и значимым событием в процессе отделения республик от СССР стали принятые в 1990 г. декларации независимости. Хотя они не были юридически признаны со стороны общесоюзного центра, нынешние политические режимы в странах Прибалтики считают даты принятия этих документов началом восстановления своей независимости.

Провозглашению деклараций о независимости предшествовали выборы в Верховные Советы прибалтийских республик, по итогам которых победу одержали депутаты от Народных фронтов. В частности, в Латвии коалиция, возглавляемая Народным фронтом, получила 138 мандатов из 201, в Литве кандидаты от «Саюдиса» и близких к нему движений – 101 из 141 мест. В Эстонии Народный фронт получил только 24% (из 280 депутатов), однако Э. Сависаар, назначенный председателем Совета министров ЭстССР 3 апреля 1990 г., включил в правительство в основном представителей именно Народного фронта.

Первым акт «О восстановлении независимого Литовского государства» принял Верховный Совет ЛитССР 11 марта 1990 г., в тот же день был принят и акт «О восстановлении Конституции 1938 года». В Латвии «Декларация о восстановлении Латвийской республики» была принята Верховным Советом ЛатССР 4 мая 1990 г. Наконец, Эстония заявила о независимости принятием двух документов: 2 февра-

ля 1990 г. была принята «Декларация по вопросу государственной независимости Эстонии», а 30 марта – постановление Верховного Совета ЭстССР «О государственном статусе Эстонии».

В условиях противостояния с союзным центром стремление к независимости Латвии и Эстонии и их уже объявленный суверенитет были подкреплены в ходе встречи в Таллине 13 января 1991 г. председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина с общественностью и политическими лидерами прибалтийских республик. Тогда же были заключены договоры об основах межгосударственных отношений России с Эстонией и Латвией (соответственно 12 и 13 января). Аналогичный договор с Литвой был заключен только 29 июля 1991 года, что могло быть связано с остротой экономического противостояния Вильнюса и Москвы в 1990 г., а затем известных январских событий, или, возможно, с неясностью статуса Клайпеды.

В этих условиях Съездом народных депутатов, а затем Верховным Советом СССР было принято решение о проведении Всесоюзного референдума о сохранении СССР, который состоялся 17 марта 1991 года. Вопрос, на который должны были дать ответ голосующие, звучал следующим образом: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Однако участие в референдуме не было поддержано руководством Компартий прибалтийских республик, и в основном он был бойкотирован их титульным населением. В результате в списки голосования, сформированные только для тех избирательных участков, которые находились под кон-

тролем Центра, вошла часть населения, в основном проживавшая в регионах с преимущественно русским населением либо в городах, где находились круп-

ные промышленные предприятия (например, в Латгалии и крупных городах севера и северо-востока Латвии, на северо-востоке Эстонии).

Таблица 1. Результаты официального референдума о сохранении СССР для республик Прибалтики

	Число граждан в списках для голосования (чел.)	Число граждан, принявших участие в голосовании		Число граждан, ответивших «да»	
		абс. (чел.)	%	абс. (чел.)	%
ЛатССР	670 828	436 783	65,1	415 147	95,1
ЛитССР	582 262	501 375	86,1	496 050	98,9
ЭстССР	299 681	222 240	74,2	211 090	95,0

Источник: Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года (Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР). См.: http://www.gorby.ru/userfiles/file/referendum_rezultat.pdf (Дата обращения: 11.12.2016).

В то же время руководством республик Прибалтики было принято решение о проведении собственных референдумов по вопросу о независимости. Только в Эстонии этот опрос получил название «референдума». В Латвии и Литве был выбран другой формат – «всенародный опрос». По сути эти «опросы» также были референдумами, однако измененное название позволяло избежать формальных юридических последствий в условиях подготовки к всесоюзному референдуму и его бойкотирования руководством ЛатССР и ЛитССР.

В Литве во «всенародном опросе» приняли участие 84,74% жителей ЛитССР (2 247 810 чел. из зарегистрированных в списках 2 652 638 чел.). Из них «за» проголосовали 90,47%, «против» – 6,56%. По результатам этого референдума независимость Литвы была признана Исландией уже 11 февраля, Данией – 28 февраля.

В Латвии на основе постановлений Верховного Совета ЛатССР «О проведении опроса жителей Латвии» и «О порядке проведения опроса жителей Латвии» «опрос» избирателей по вопросу «Вы за демократическую и не-

зависимую Латвию?» прошел 3 марта 1991 года. В списках избирателей были зарегистрированы 1 902 802 жителей ЛатССР, из них приняли участие 1 666 128 чел., или 87,56% (голосовать имели право все жители ЛатССР, т.е. не только латыши, но и представители других национальностей). По итогам голосования 73,68% высказались «за», 24,69% – «против».

В Эстонии референдум о независимости состоялся также 3 марта 1991 года. В списках избирателей было примерно 1,145 млн чел. (голосовать имели право все жители ЭстССР), из них приняли участие почти 940 тыс. (82,86%). Результаты голосования были следующими: 77,83% – «за», 21,43% – «против».

На основании этих референдумов после неудавшегося «августовского путча» ГКЧП независимость повторно провозгласили Эстония (постановление Верховного Совета ЭстССР «О государственной независимости Эстонии» от 20 августа) и Латвия (Конституционный закон Верховного Совета ЛатССР «О государственном статусе Латвийской Республики» от 21 августа), после чего началось *de jure* признание при-

балтийских республик международным сообществом. Первым государством, признавшим их независимость, вновь стала Исландия – 21 августа (Эстонии) и 25 августа (Латвии). РСФСР признала их независимость 24 августа.

Официально независимость Латвии, Литвы и Эстонии была признана постановлениями Государственного Совета СССР 6 сентября 1991 года (после этого прошла череда признаний остальными государствами). Прибалтийские республики стали единственными из числа советских республик, чей выход из состава СССР был подтвержден специальным постановлением общесоюзного органа.

Вопрос о том, что именно борьба прибалтийских Народных фронтов за суверенизацию стала «триггером» распада Советского Союза, до сих пор остается дискуссионным [см.: Симонян Р.Х., 2005; Розенфельд И.В., 2009; Сытин А.Н., 2012; Сапожникова Г.М., 2016]. В отличие от «парада суверенитетов» декларации независимости не привели к «цепной реакции» провозглашения выхода и других, помимо прибалтийских, республик из состава СССР, однако они продемонстрировали неспособность союзного центра справиться с нарастающим системным кризисом и предложить национальным республикам эффективную модель реформирования общесоюзной институциональной структуры. Так или иначе, прибалтийские республики воспользовались сложившейся в СССР ситуацией и успешно реализовали представившийся шанс обрести независимость.

В отличие от других постсоветских республик страны Балтии в XX веке имели двадцатилетний опыт государственности в межвоенный период, причем как демократии, так и авторитаризма. Хотя не стоит преувеличивать значимость этого этапа их истории для современной политики, тем не менее

именно он в 1990–1991 гг. для многих правоконсервативных политиков стал тем «историческим идеалом», «мифом», который предлагалось положить в основу государственного строительства вновь получивших независимость прибалтийских государств.

В эти же годы формировалась и будущая стратегия их внешней политики, исходившая из той позиции, что они являются «органической частью Запада, „похищенной“ Советским Союзом» [см.: Колосов В., Бородулина Н., 2007: 97-106]. Идейное содержание внешнеполитического курса подкреплялось оформившимися в прибалтийской эмигрантской среде в США, Великобритании, Швеции за годы Холодной войны концепциями «континуитета государственности» и «советской оккупации». Стоит, впрочем, отметить, что в первые годы независимости, пока у власти и «рядом» оставались представители нетитульной части Народных фронтов, ими предлагалось геополитическое и геоэкономическое будущее их стран как «моста» между Востоком и Западом [Бронштейн М., 2004: 162]. Однако по мере прихода к власти правоконсервативных националистических сил и оттеснения на обочину политической борьбы русскоязычных интеллектуалов, которые в период «перестройки» также были активными идейными сторонниками независимости, эта позиция была вытеснена из политического дискурса и стала в основном содержанием практической деятельности бизнес-сообщества стран Балтии.

Как несостоятельная была отброшена в начале 1990-х гг. и идея нейтралитета стран Балтии – ввиду памяти о событиях 1939–1940 гг.

Да и сам Запад, поначалу скептически отнесясь к перспективам сохранения независимости воссозданных прибалтийских государств, активно начал вовлечение стран Балтии в ин-

теграционные структуры только после вывода российских войск с их территории в 1993–1994 гг., а затем победы на президентских выборах в России Б.Н. Ельцина в 1996 г., что определило, в понимании основных западных игроков, невозможность возвращения России на путь реставрации Советского Союза.

Социально-политический транзит и путь на Запад

После обретения независимости страны Балтии, как и их соседи по восточноевропейскому региону, встали на путь политического и социально-экономического транзита. Целью и одновременно источником моделей государственного строительства стали Германия и североевропейские страны, хотя на практике многое в политических процессах (включая и собственно политический истеблишмент) было унаследовано от советской эпохи.

Формировавшиеся политические системы носили многопартийный характер и в целом не отличались стабильностью. Так, в Латвии за период с 1991 г. до сегодняшнего дня сменилось 19 правительств, в Литве – 14, в Эстонии – 16. Другой пример: в Латвии до 2006 г. на парламентских выборах каждый раз побеждала партия, которой в период предыдущих выборов вообще не существовало. Кроме того, следует отметить еще одну характерную особенность сложившихся партийно-политических систем Латвии и Эстонии – на протяжении всех лет независимости доминирующее влияние в них имели партии правоцентристского (правоконсервативного) толка. Исключением стало формирование уже в ноябре 2016 г. правительственной коалиции во главе с до этого постоянно находившейся в оппозиции Центристской партией. Как отмечает эстонский

историк и политолог А. Казекамп, «внутреннюю политику Эстонии после 1990 г. на самом деле следует рассматривать не в отношении шкалы ”левые-правые”, а в отношении к “коварному Сависаару” и его Центристской партии. Эдгар Сависаар всегда был одним из тех политиков, которыми больше всего восхищались и которых больше всего ненавидели, а Центристскую партию, самую крупную, остальные партии, как правило, старались отгеснить от власти» [Казекамп А., 2014:281].

Схожая ситуация сложилась и в партийно-политической системе Латвии, где центристские/социал-демократические силы ни разу у власти оказаться не смогли (даже после победы объединения «Центр согласия» на выборах в 2011 г.) по все тем же политическим причинам. Традиционно они рассматривают отношения с Россией не через призму идеологии и исторических счетов, а с прагматичной точки зрения – возможностей для роста экономики своей страны, что идет вразрез с односторонней евроатлантической ориентированностью большей части политического руководства.

Литовская партийно-политическая система также оказалась многопартийной, но более структурированной и поляризованной (социал-демократы vs консерваторы: Социал-демократическая партия Литвы vs Союз Отчества – Христианские демократы Литвы). Причиной было то, что Коммунистическая партия в Литве, в отличие от компартий северных соседей, смогла трансформироваться в современную социал-демократическую партию. Кроме того, первый президент независимой Литвы, а незадолго до этого – первый секретарь Коммунистической партии ЛитССР – А. Бразаускас сыграл значимую роль в процессе выхода Литвы из состава СССР, да и сама партия рассматривалась обществом как по-

литический инструмент отстаивания позиции автономизации, а затем и обретения республикой независимости. Причина этого была проста. В середине 1980-х гг. удельный вес литовцев в населении составлял около 80%, при этом их доля среди членов партии и на административно-управленческих должностях была соответственно 70% и 91,5% (для сравнения: в Латвии – при доле латышей 52% населения республики – эти показатели были 39,7% и 63%; в Эстонии – при 62% эстонцев – 50,8% и 82,2%) [Фурман Е.Д., 2009: 171], т.е. компартия изначально не воспринималась как институт политического доминирования «русских оккупантов» (как их впоследствии станут называть в странах Балтии).

В целом, после обретения независимости развитие всех трех стран Балтии происходило по одинаковой модели, хотя и неравномерно. Каждая из трех стран пыталась откеститься от «прибалтийскости», стремясь провести реформы, вступить в евроатлантические структуры, в первую очередь ЕС и НАТО, быстрее других, гордясь, если успехи были более заметны, чем у соседей. И сам ЕС руководствовался так называемым принципом «регаты»², т.е. начала переговоров с конкретной страной в соответствии с ее собственными достижениями по мере выполнения «домашнего задания». В результате Эстония попала в число стран «первой волны», которые были приглашены к переговорам о членстве в ЕС, в 1997 г., тогда как Латвия и Литва – в 1999 г. Что касается вступления в НАТО, то здесь, наоборот, Литва быстрее других осуществляла реформирование оборонной сферы. Хотя в конце концов все три

страны вступили в ЕС и НАТО одновременно – в 2004 г.

Цели евроатлантической интеграции было подчинено реформирование социально-экономических систем (т.е. демократизация, либерализация, приватизация и проч.). Необходимость соответствия Копенгагенским критериям для вступления в ЕС определяла содержание и скорость проведения экономических реформ – «быстрый переход к национальным валютам, денационализация предприятий в виде коммерческой приватизации, реструктуризация, кардинальная перестройка налоговой, бюджетной и банковской систем, либерализация цен, формирование рыночного механизма регулирования внешней торговли» [Брук Е.О., 2008:9]. Непродуманность трансформаций имела негативные последствия. Результатом приватизации, к примеру, стало доминирование иностранного капитала в основных секторах экономики стран Балтии. В результате на сегодняшний день в Эстонии иностранцам принадлежит 80–90% крупных предприятий и банков, в Литве – около трети (хотя в банковском и смежных секторах, т.е. страхование, консалтинг, – около 70%) [Симонян Р.Х., 2002:105-106].

Итогом неолиберального реформирования, с одной стороны, стало достижение необходимых макроэкономических показателей, что позволило вступить в ЕС, с другой – значительные социально-экономические издержки: деиндустриализация; увеличение внешнего долга; возникновение «пузырей» на рынках кредитования и недвижимости за счет притока в прибалтийские экономики «дешевых» денег североамериканских банков; рост трудовой миграции, «утечки мозгов» и в целом сокращение населения и др. Кроме того, как отмечает известный американский экономист А. Ослунд, «экономика стран Балтии ... страдала от серьезных структурных

² The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies & Reports 98 / A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfreija; foreword by E. Buzek. Paris: Notre Europe-Jaques Delors Institute; July 2013. P. 20 // <http://www.eng-notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html> (Дата обращения: 11.12.2016).

перекосов, финансовый сектор и строительство почти вытеснили промышленное производство. В 2008 г. в Латвии и Эстонии финансовый сектор составлял не менее 24% ВВП, что вдвое выше, чем в США на пике "пузыря". Строительный сектор составлял от 8 до 10% ВВП» [Ослунд А., 2011: 111-112].

После 2004 года

Основной целью интеграции стран Балтии в ЕС и НАТО было не просто «вернуться в Европу», а стать частью евроатлантического пространства, где особое место занимали двусторонние отношения с США. Восприятие океанского партнера как гаранта безопасности, берущее свое начало еще в событиях 1940 г., когда они стали единственной страной, заявившей о юридическом непризнании вхождения стран Балтии в СССР («Декларация Самнера Уэлл(е)са» от 23 июля 1940 г.), а затем последовательно придерживавшейся этой позиции в годы Холодной войны, оказало влияние на весь внешнеполитический курс прибалтийских государств уже после 2004 г. Наиболее характерным примером такой двойственности стала политика в области безопасности и обороны. Страны Балтии рассматривают НАТО (при ведущей роли США) в качестве «краеугольного камня» их безопасности, а Общую политику безопасности и обороны ЕС – как конкурента трансатлантическому Альянсу, выступая, соответственно, против усиления европейской интеграции в этой сфере.

Европейский Союз для стран Балтии – это в первую очередь гарант экономической стабильности и источник финансовой помощи социально-экономическому (развитие сельского хозяйства, создание новых рабочих мест, поддержка малого и среднего бизнеса, проектов в образовательной сфере,

НИОКР и др.) и инфраструктурному развитию, за счет которой, по оценке KPMG, обеспечивается до 25% ВВП стран ЦВЕ³. Средства предоставляются в рамках региональной политики (политики сплочения) ЕС территориям, на которых ВВП по ППС на душу населения составляет 75% и менее от среднего уровня по ЕС (см. Таблицу 2), через структурные фонды (Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, Европейский сельскохозяйственный фонд гарантий, Европейский фонд развития села, Фонд содействия рыболовству) и Фонд сплочения. С момента вступления в ЕС странам Балтии было выделено 33,87 млрд евро помощи: Латвии – 10,11 млрд евро, Литве – 15,2 млрд евро, Эстонии – 8,56 млрд евро (см. Таблицу 3).

Хотя первые годы членства прибалтийских государств в ЕС ознаменовались феноменальными темпами экономического роста – показатели увеличения ВВП в некоторые годы были двузначными (см. Таблицу 4), политическому руководству Латвии, Литвы и Эстонии не удалось достичь успехов в улучшении качества жизни населения и приведении его к североевропейскому стандарту (как это декларировалось на заре независимости).

После вступления в Европейский Союз была поставлена следующая задача – стать участником еврозоны. Первая попытка вступить в нее в 2007–2008 гг. не увенчалась успехом. Однако даже несмотря на последствия мирового финансово-экономического кризиса, сильнее всех по сравнению с другими странами ЕС ударившего по странам Балтии, руководство прибалтийских государств не отказалось от этой идеи. В очередной раз достижение определенных макроэконо-

³ KPMG: Литва и Эстония – одни из лидеров по освоению средств ЕС // The Baltic Course. 4 June 2013. См.: http://www.baltic-course.com/rus/analytics/?doc=75799&ins_print (Дата обращения: 11.12.2016).

Таблица 2. Соотношение ВВП по ППС на душу населения в странах Балтии к общеевропейскому (ЕС-28=100%) (в %)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Латвия	46	50	53	57	59	52	53	57	60	62	64	64
Литва	49	53	55	60	63	56	60	66	70	73	75	75
Эстония	54	60	64	69	69	64	65	71	74	75	76	75

Источник: Eurostat.

Таблица 3. Объем средств, полученных странами Балтии в рамках политики сплочения

	2004-2006	2007-2013	2014-2020
Латвия	1,0	4,6	4,51
Литва	1,7	6,8	6,7
Эстония	0,8	3,5	4,26

Источник: официальный сайт, посвященный региональной политике ЕС. См.: http://ec.europa.eu/regional_policy/index.cfm/en/ (Дата обращения: 11.12.2016).

Таблица 4. Годовой рост реального ВВП в странах Балтии (2004-2015 гг.; % к предыдущему году)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Латвия	8,9	10,1	11,2	9,6	-3,3	-17,7	-0,9	5,5	5,5	4,2	2,4	2,7
Литва	7,4	7,8	7,8	9,8	2,9	-14,8	1,5	5,9	3,7	3,3	2,9	1,6
Эстония	6,3	8,9	10,1	7,5	-4,2	-14,1	2,6	9,6	3,9	1,6	2,1	1,1

Источник: Eurostat.

мических показателей (Маастрихтских критериев) путем жесткого неолиберального экономического реформирования (сокращения государственных расходов, в том числе на социальную сферу, повышения налогов), получившего название «балтийской неолиберальной модели капитализма» [Talts M., 2013: 58–83], осуществлялось за счет и в ущерб благосостоянию населения. В результате до сих пор в Латвии и Литве количество людей, проживающих в условиях риска бедности или социальной исключенности, превышает средних по ЕС уровень (см. *Таблицу 5*).

Это станет дополнительным фактором существенного роста миграционного потока из стран Балтии, который и без того интенсифицировался сразу после 2004 г. и постепенного открытия рынков труда государств ЕС-15: с 2004 г. – Великобританией, Ирландией и Швецией; с 2006 г. – Грецией, Испанией, Италией, Португалией и Финляндией; с 2007 г. – Люксембургом и Нидерландами; с 2008 г. – Францией; с 2009 г. – Бельгией и Данией и, наконец, с 2011 г. – Австрией и Германией. Оценочно с 2004 г. отток населения из Литвы мог составить не менее 500 тыс. чел.,

Таблица 5. Количество жителей стран Балтии, находящихся в условиях риска бедности или социальной исключенности (2004-2015 гг., %)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЕС-28	-	25,7	25,3	24,4	23,8	23,3	23,7	24,3	24,7	24,6	24,4	-
Латвия	-	46,3	42,2	35,1	34,2	37,9	38,2	40,1	36,2	35,1	32,7	30,9
Литва	-	41,0	35,9	28,7	28,3	29,6	34,0	33,1	32,5	30,8	27,3	29,3
Эстония	26,3	25,9	22,0	22,0	21,8	23,4	21,7	23,1	23,4	23,5	26,0	24,2

Источник: Eurostat.

Таблица 6. Сальдо внешней (регистрируемой) миграции населения стран Балтии в 2004-2015 гг. (чел.)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Σ
Латвия	-15323	-10952	-8807	-7946	-22367	-34477	-35640	-20077	-11860	-14262	-8652	-10640	-201003
Литва	-32138	-51096	-24645	-21774	-16453	-32013	-77944	-38178	-21257	-16807	-12327	-22403	-367035
Эстония	-1830	-3174	-3293	-643	-735	-774	-2484	-2505	-3682	-2642	-733	2410	-20085

Источник: Центральное статистическое управление Латвии, Департамент статистики Литвы, портал «Статистика Эстонии», 2016.

Латвии – 300–350 тыс. чел., Эстонии – 100–150 тыс. чел. Хотя официальная статистика дает несколько меньшие цифры (см. Таблицу 6), показателен пример Эстонии, где с 2015 г. в статистику по миграции стала включаться нерегистрируемая миграция. Так, если в 2014 г. количество выехавших из этой страны составило 4637 чел., то в 2015 г. – 13 003 чел.

Чаще всего мигрантами становятся жители наиболее трудоспособного возраста (от 25 до 44 лет). При этом эмигранты не спешат возвращаться на родину. Так, по данным опроса, проведенного в 2015 г. по заказу МИД Литвы, в котором приняли участие 1720 чел. из 55 стран, только 40% опрошенных отметили, что интересуются возможностью вернуться в Литву, тогда как 17% не интересуются, а для 43% этот вопрос является неактуальным⁴. Что же касается Латвии, то недавно проведенное исследование диаспоры, в котором при-

няли участие более 14000 респондентов из 118 стран, показывает, что 27% не планируют возвращаться, 41% могли бы вернуться при определенных условиях, 16% планируют вернуться течение 5 лет, а еще 16% – после выхода на пенсию.

Статистика подтверждает угрожающий масштаб оттока населения стран Балтии, при том что его официальная численность на 1 января 2016 г. составляет всего лишь в Латвии – 1 968 957 чел., в Литве – 2 888 558 чел., в Эстонии – 1 311 944 чел., что соответствует примерно 0,39%, 0,57% и 0,26% соответственно (суммарно – 1,22%) от всей численности населения ЕС⁵, и с момента обретения независимости сократилась примерно на 20–25% (на 1 января 1991 г. в Латвии проживало 2 658 161 чел., в Литве – 3 701 968 чел., в Эстонии – 1 567 749 чел.).

Несмотря на видимые социальные издержки, руководство стран Балтии продолжает реализацию курса, кото-

⁴ Užsienio lietuvių apklausa apie jų būklę ir poreikius. 2015 m. rugšėjis – spalis/ Vilmorus. Vilnius: 2015. P. 6-7. // https://www.urm.lt/uploads/default/documents/Papildomas_meniu/Globali_lietuva/Uzsienio_lietuviu_apklausa2015.pdf. (Дата обращения: 11.12.2016).

⁵ По данным Центрального статистического управления Латвии (<http://www.csb.gov.lv/>), Департамента статистики Литвы (<http://www.stat.gov.lt/>) и портала «Статистика Эстонии» (<http://www.stat.ee/en>), а также Европейской статистической службы (<http://ec.europa.eu/eurostat>).

рый наметился сразу после 2004 г. В условиях поиска новой «Большой стратегии» (*Grand Strategy*) и «незнания, куда двигаться» (*not knowing where to go*) [Vaubinaité К., 2011: 54-83] им стало углубление интеграции в Европейский Союз, а также приобретение и закрепление за собой определенной «специализации» во всем евроатлантическом сообществе.

Областями такой «специализации», в рамках которых странами Балтии выдвигается наибольшее количество инициатив, стали кибернетическая (здесь первенство имеет Эстония) и энергетическая (Литва) безопасность, реализация программы «Восточное партнерство», политики расширения ЕС (страны Балтии традиционно позиционируют себя «экспертами» в отношении постсоветского пространства) и реализации концепции Единого рынка (в особенности свободного движения рабочей силы и услуг)⁶. Кроме того, в последнее время в странах Балтии предпринимается попытка поставить экономики на инновационные рельсы (см. Таблицу 7). Несмотря на то, что многие экспортные производства в странах Балтии (как и других странах ЦВЕ) входят в цепочки поставок ТНК [Глинкина С.П., Куликова Н.В., 2015: 105-118] и потому эти цифры в некотором смысле лукавы, нельзя не отметить, что увеличение доли высоко-

технологичной продукции в экспорте рассматривается в качестве одной из основных задач их (внешне)экономической политики, при том что успехи пока локальны. Наиболее инновационными считаются: в Латвии – фармацевтика и агротехнологии, в Литве – лазерные технологии, агротехнологии и IT-технологии, в Эстонии – IT-технологии.

Если говорить об углублении интеграции в ЕС, то она включила в себя несколько аспектов. Во-первых, это максимальная инкорпорация норм ЕС в национальное законодательство – в течение всех лет членства в ЕС страны Балтии находятся в пятерке лидеров по наименьшему количеству возбуждаемых «процедур нарушения». Во-вторых, безоговорочная поддержка крупных инициатив Европейской комиссии – таких, как Договор о введении Конституции для Европы, Лиссабонский договор, введение т.н. Европейского семестра, создание Европейского стабилизационного механизма и принятие Европейского фискального пакта. В-третьих, присоединение к Шенгенской зоне (декабрь 2007 г.) и вступление в еврозону (Эстония – с 2011 г., Латвия – с 2014 г., Литва – с 2015 г.). Последнее, впрочем, рассматривалось, по словам главы МИД Латвии Э. Ринкевичса, в первую очередь как «геополитический выбор» [Hansen M., 2013:61].

Таблица 7. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте стран Балтии (2007-2014 гг.; % от общего экспорта)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ЕС-28	16,1	15,4	17,1	16,1	15,4	15,7	15,3	15,6
Латвия	4,6	4,6	5,3	4,8	6,7	6,4	8,0	9,2
Литва	7,3	6,5	5,8	6,0	5,6	5,8	5,8	6,4
Эстония	7,8	7,5	6,9	10,4	14,8	14,1	15,0	16,3

Источник: Eurostat.

⁶ he Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies&Reports 98 / A.Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfreija; foreword by E.Buzek. Paris: Notre Europe-Jaques

Delors Institute; July 2013. P. 11, 31 // <http://www.eng.notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html> (Дата обращения: 11.06.2014).

Наконец, в-четвертых, – и эта составляющая занимает особое место в европейской политике стран Балтии – так называемая «инфраструктурная интеграция», то есть стремление выйти из положения транспортного и энергетического «острова» в рамках ЕС. В транспортной сфере сюда относится реновация автомобильной трассы *Via Baltica* и строительство скоростной узкоколейной (1435 мм) железнодорожной магистрали *Rail Baltic/Rail Baltica*, которая при благоприятном для стран Балтии сценарии свяжет Хельсинки и Берлин. Если первая была по сути создана еще в советские годы и требует лишь постоянного контроля за ее состоянием и ремонта, то вторая, несмотря на не вполне ясную востребованность и окупаемость с экономической точки зрения, является в большей степени геополитическим проектом, а значит, по мнению автора, вопреки экономическим издержкам будет реализована (не ранее 2025–2027 гг.).

«Энергетическая повестка» европейской политики стран Балтии была определена начавшейся со второй половины 2010-х гг. политизацией, а затем и секьюритизацией энергетики. Из определенных в принятой в 2014 г. «Европейской стратегии энергетической безопасности» 33 проектов, значимых для ЕС с точки зрения обеспечения энергетической безопасности, 11 относятся к государствам Балтии⁷. Меры в этой области (включая выдавливание

российских компаний с энергетических рынков стран Балтии благодаря использованию наиболее жесткой формы реализации «третьего энергопакета» и противодействие строительству сначала Балтийской АЭС в Калининградской области, а затем и Островецкой АЭС в Белоруссии) также не имеют экономической целесообразности и ведут в основном к увеличению расходов для потребителей внутри этих стран. Одна из последних озвученных задач в энергетической сфере – отключиться до 2025 г. от энергетической системы БРЭЛЛ и синхронизировать свои энергосети с сетями континентальной Европы⁸.

В целом политика, связанная с преодолением странами Балтии своей инфраструктурной «изолированности», хотя и соответствует основным целям ЕС в области инфраструктурной интеграции, одновременно связана с еще одной специфической особенностью внешней политики прибалтийских государств – имманентной конфронтационностью по отношению к России.

Страны Балтии и Россия

В Латвии, Литве и Эстонии критически относятся к именованию себя постсоветскими государствами. Действительно, вопрос о том, что связывает эти страны с советским прошлым сегодня, остается важнейшим ценностно-политическим вопросом. Страны Балтии всячески дистанцируются от совместных с Россией интеграционных проектов, а в Литве еще в 1992 г. как составная часть Конституции был принят специальный «Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении Литовской Республики

⁷ В том числе: терминал СПГ в Клайпедском порту, газопровод Клайпеда – Кеменай, газовое соединение Литвы и Польши (GIPL), газовое соединение Эстонии и Финляндии («Balticconnector»), региональный СПГ-терминал (в Эстонии или Финляндии), газовое соединение Латвии и Литвы, завершение проектов Nordbalt 1&2 (электрокабель между Литвой и Швецией), создание электропровода Литва – Польша (LitPolLink), увеличение мощности линии электропередач между Латвией и Швецией (Nordbalt), соединение энергосистем между Латвией и Эстонией (включая модернизацию эстонской энергосистемы) и, наконец, синхронизация электроэнергетических систем стран Балтии с общеевропейской (European Energy Security Strategy. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. COM(2014) 330 final) / European Commission. Brussels. 28.05.2014 // http://ec.europa.eu/energy/security_of_supply_en.htm (Дата обращения: 11.12.2016).

⁸ Страны Балтии протестируют «отключение» от российского электричества / Информационный портал «Rus. Delfi.ee». 27.04.2016 // <http://rus.delfi.ee/daily/business/strany-baltii-protistiruyut-otklyuchenie-ot-rossijskogo-elektrichestva?id=74363593> (Дата обращения: 11.12.2016).

к постсоветским восточным союзам»⁹. Таким образом, хотя во взаимодействии России и стран Балтии речь не идет об институциональной составляющей, конкретные практики политического, экономического и гуманитарного сотрудничества говорят о сохранении этой связи. Таких примеров можно найти множество.

Это и роль фактора-ирританта [Смирнов В.А., Сутырин В.В. 2011: 146-153], которая традиционно отведена России во внутривнутриполитической борьбе и электоральных кампаниях в странах Балтии, и так называемая «оккупационная доктрина», определяющая внутри- и внешнеполитическую стратегию, и тесно связанная с ней проблема «демократического дефицита», или, проще говоря, сохранение института «неграждан» (в Эстонии их называют «лицами с неопределенным гражданством»), количество которых на 1 января 2016 г. составляло в Латвии 252 017 чел. (11,75% численности населения), в Эстонии – 81 238 чел. (6,1%). И практически несменяемость правоконсервативных элит у власти.

И сохранение значительной доли теневой экономики (до 40% в Латвии). И тот факт, что страны Балтии продолжают оставаться в российском культурном пространстве. Наконец, ностальгия по советскому прошлому, причем не только у русскоязычного, но и титульного населения – особенно она проявляется в ситуации, когда заявления политиков противоречат социально-экономическим реалиям. В результате оказывается, что, несмотря на присоединение к зоне евро, страны Балтии находятся в числе последних стран в ЕС по покупательной способности населения.

В течение всех 25 лет независимости Россия сохраняла ведущую роль в качестве внешнеэкономического партнера стран Балтии, причем в литовском случае как по импорту, так и по экспорту она всегда оставалось на первом месте (см. Таблицы 8, 9).

Кроме того, значимость российского рынка для прибалтийских экономик всегда по объективным причинам была гораздо выше, чем наоборот. Однако сокращение торгового оборота под

Таблица 8. Место России в импорте стран Балтии (%)*

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Латвия	8,7 (3)	8,5 (3)	7,8 (3)	8,4 (3)	10,6 (3)	10,7 (3)	10,0 (3)	8,6 (3)	9,5 (3)	8,4 (4)	8,1 (4)	8,4 (4)
Литва	23 (1)	27,8 (1)	24,4 (1)	18,0 (1)	29,9 (1)	29,9 (1)	32,6 (1)	32,8 (1)	32,3 (1)	29,2 (1)	21,6 (1)	16,9 (1)
Эстония	9,2 (4)	9,2 (3)	12,8 (2)	10,1 (4)	7,6 (6)	8,2 (6)	8,2 (5)	8,3 (5)	7,3 (6)	5,7 (7)	6,2 (7)	5,8 (7)

Источники: Центральное статистическое управление Латвии (<http://www.csb.gov.lv/>); Департамент статистики Литвы (<http://www.stat.gov.lt/>); портал «Статистика Эстонии» (<http://www.stat.ee/>). В скобках указано место, которое занимает Россия среди всех стран-импортеров соответствующей страны.

⁹ Lietuvos Respublikos Konstitucinis aktas dėl Lietuvos Respublikos nesijungimo į postsovietines Rytų Sąjungas. Nr. I-2622.

Vilnius, 1992 m. birželio 8 d. // <http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija.htm> (Дата обращения: 11.12.2016).

Таблица 9. Место России в экспорте стран Балтии (%)*

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Латвия	6,4 (6)	7,9 (5)	8,9 (4)	9,6 (3)	10,0 (3)	8,8 (3)	10,6 (3)	10,6 (3)	11,5 (3)	11,6 (3)	10,8 (3)	8,0 (3)
Литва	9,3 (3)	10,4 (1)	12,8 (1)	15,0 (1)	16,1 (1)	13,2 (1)	15,7 (1)	16,6 (1)	18,6 (1)	19,8 (1)	20,8 (1)	13,7 (1)
Эстония	5,6 (5)	6,5 (4)	7,8 (4)	8,8 (4)	10,4 (3)	9,3 (4)	9,7 (3)	11,0 (3)	12,1 (3)	11,5 (3)	9,8 (4)	6,7 (4)

Источники: Центральное статистическое управление Латвии (<http://www.csb.gov.lv/>); Департамент статистики Литвы (<http://www.stat.gov.lt/>); портал «Статистика Эстонии» (<http://www.stat.ee/>). В скобках указано место, которое занимает Россия среди всех стран-экспортеров соответствующей страны.

воздействием санкций в последние два года на 30–40%, а также неоднократно звучащие в последние месяцы заявления о форсировании процесса переориентации российских грузопотоков с портов прибалтийских стран на собственные портовые мощности (в первую очередь на растущие порты Ленинградской области – Усть-Лугу, Приморск) до 2020 г.¹⁰ должны рассматриваться как серьезные сигналы о возможности утраты значительной части транзитных доходов, составляющих не менее 10% ВВП государств Балтии.

Граница с прибалтийскими странами, Россия граничит и со всем Европейским Союзом. Этот простой факт осознают и в Брюсселе. Поэтому приграничное сотрудничество рассматривается в качестве «последнего плацдарма» отношений Россия – ЕС. И хотя, отказавшись от роли геополитического и геоэкономического «моста», страны Балтии чаще играли деструктивную роль в этих отношениях, на уровне программ приграничного сотрудничества, нацеленных на решение конкретных

проблем проживающего в этих районах населения, они всегда продолжали и продолжают (на сегодняшний день утверждены или по крайней мере согласованы соответствующие программы со всеми тремя странами Балтии) поддерживать активный практический диалог.

Итоги 25-летнего развития независимых Латвии, Литвы и Эстонии неоднозначны. С формальной точки зрения, они провели успешные политические и социально-экономические трансформации, что позволило достичь нужных макроэкономических показателей и в сжатые сроки вступить в ЕС и НАТО. С другой стороны, став членами этих объединений, они самостоятельно, без какого-либо давления передали значительную часть суверенитета, к которому до этого так активно стремились, на наднациональный уровень. Будучи дотационными республиками в составе СССР, сегодня они стали дотироваться из Брюсселя. Кроме того, экономические реформы и внешнеэкономическая переориентация с востока на запад носили крайне болезненный характер для прибалтийских экономик

¹⁰ До 2020 г. планируется переориентировать все российские грузы с портов Прибалтики в РФ // Аналитический портал о Балтийском регионе «RuBaltic.ru». 29.09.2016. // <http://www.rubaltic.ru/news/29092016-gruzy-pereorientirovat-pribaltiki-rossiyu/> (Дата обращения: 11.12.2016).

и стали, помимо прочего, причиной значительных социальных издержек. По объективным причинам определяющим фактором их политического и экономического развития является географическая близость к Российской Федерации, которая, в том числе в своей советской ипостаси, сохраняет роль так называемого «конституирующего другого», поскольку трудно найти ту сферу внешней политики, а в ряде случаев и внутренней политики, когда российский фактор отсутствует при принятии реальных политических решений.

Если процесс (гео)политического размежевания России и стран Балтии был завершен в 2004 г., то размежевание экономических интересов на сегодняшний день продолжается, и уход российских энергетических компаний и сокращение присутствия российского транзитного бизнеса являются тому яркими примерами. Очевидно, что перспективы экономического выживания (а возможно, и процветания) стран Балтии могут быть связаны только с ролью логистического «моста» или «хаба» – вне зависимости от того, что эти конструкции будут связывать: Восток и Запад/Россию и ЕС/Китай и ЕС и др. Однако вряд ли такой сценарий будет возможным в условиях политических рисков, препятствующих приходу стратегических иностранных инвесторов в эти страны. Поэтому вопрос, насколько экономическая целесообразность сможет преодолеть политико-идеологические мотивации, доминирующие в политике стран Балтии все постсоветские годы, продолжает оставаться открытым.

Библиография

Бронштейн М. На службе национальных интересов Эстонии в Москве // *Анатомия независимости* / под ред. Р. Григоряна и И. Розенфельда. Тарту: Крипта, 2004.

Брук Е.О. Экономические преобразования в странах Балтии периода независимости: автореферат дисс. к.э.н. М.: МГИМО, 2008.

Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы / *Современная Европа*. 2015. №4.

Григорян Р. Неизвестные страницы «Поющей революции» // *Анатомия независимости* / под ред. Р. Григоряна и И. Розенфельда. Тарту: Крипта, 2004.

Казекамп А. История балтийских государств. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014.

Колосов В., Бородулина Н. Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии // *МЭ и МО*. 2007. №9.

Розенфельд И.В. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009.

Ослунд А. И последние станут первыми. Финансовый кризис в Восточной Европе. Москва: Мысль, 2011.

Сапожникова Г.М. Кто кого предал. М.: Комсомольская правда, 2016.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. 2-е изд., доп. М.: Институт социологии РАН, 2005. Розенфельд И.В. Эстония до и после «бронзовой ночи» Тарту: Крипта, 2009.

Симонян Р.Х. Страны Балтии: общее и особенное (социально-экономический аспект) // *Вопросы экономики*. 2002. №9.

Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010-2011 годов: экспертный взгляд // *Балтийский регион*. 2011. №2(8).

Сытин А.Н. Страны Балтии в конце XX – начале XXI веков. Внутренняя и внешняя политика. Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Hansen M. Joining the eurozone – Latvia's destiny? // *Baltic Rim Economies*. 2013. No.3.

Talts M. Some aspects of the Baltic Countries' Pre- and Post-Accession Convergence to the European Union // *Baltic Journal of European Studies* (Tallinn University of Technology). 2013. Vol.3, Issue 1.

References

Bronshtejn M. Na sluzhbe nacional'nyh interesov Jestonii v Moskve // *Anatomija nezavisimosti / pod red. R. Grigorjana i I. Rozenfel'da*. Tartu: Kripta, 2004.

Bruk E.O. Jekonomicheskie preobrazovanie v stranah Baltii perioda nezavisimosti: avtoreferat diss...k.je.n. M.: MGI-MO, 2008.

Glinkina S.P., Kulikova N.V. Zaimstvovanie rynochnyh institutov razvityh stran: opyt Central'no-Vostochnoj Evropy / *Sovremennaja Evropa*. 2015. №4.

Grigorjan R. Neizvestnye stranicy «Pojushhej revoljucii» // *Anatomija nezavisimosti / pod red. R. Grigorjana i I. Rozenfel'da*. Tartu: Kripta, 2004.

Kazekamp A. Istorija baltijskih gosudarstv Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, 2014.

Kolosov V., Borodulina N. Geopoliticheskiy diskurs i otnoshenija mezhdru Rossiej i stranami Baltii // *MJe i MO*. 2007. №9.

Oslund A. I poslednie stanut pervymi. Finansovyj krizis v Vostochnoj Evrope. Moskva: Mysl', 2011.

Sapozhnikova G.M. Kto kogo predal. M.: Komsomol'skaja pravda, 2016.

Simonjan R.H. Rossija i strany Baltii. 2-e izd., dop. M.: Institut sociologii RAN, 2005. Rozenfel'd I.V. Jestonija do i posle „bronzovoj nochi“ Tartu: Kripta, 2009.

Simonjan R.H. Strany Baltii: obshhee i osobennoe (social'no-jekonomicheskij aspekt) // *Voprosy jekonomiki*. 2002. №9.

Smirnov V.A., Sutyryn V.V. Rossija kak faktor-irritant dlja politicheskoy jelity stran Baltii v kontekste jelektoral'nyh kampanij 2010-2011 godov: jekspertnyj vzgljad // *Baltijskij region*. 2011. №2(8).

Sytin A.N. Strany Baltii v konce XX – nachale XXI vekov. Vnutrennjaja i vneshnjaja politika Saarbrjucken: LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Furman E.D. Stanovlenie partijnoj sistemy v postsovetskoj Litve. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.

Hansen M. Joining the eurozone – Latvia's destiny? // *Baltic Rim Economies*. 2013. No.3.

Talts M. Some aspects of the Baltic Countries' Pre- and Post-Accession Convergence to the European Union // *Baltic Journal of European Studies* (Tallinn University of Technology). 2013. Vol.3, Issue 1.

Vladislav V. VOROTNIKOV,

PhD in History, Senior Lecturer at the Department of European and American Studies of MGIMO-University; Scientific Researcher, Center for North European and Baltic Studies of MGIMO-University

E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

25 Years of the Baltic States Independence: from the Soviet to the European Union

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23

ABSTRACT. *As soon as the Baltic states gained independence in 1991, they targeted, in terms of domestic and foreign relations' development, reorientation to the West and integration into Euro-Atlantic structures. Whereas NATO (under leadership of the United States) is regarded as the "cornerstone" of their security, the European Union (EU) is viewed as a source of financial assistance and the guarantor of economic stability. The article presents an overview of the transformation processes in the Baltic countries in the past two and a half decades, and the practical component of their membership in the EU is offered in detail. Comparative analysis of the political and socio-economic Baltic transit shows the similarity of their development trajectories. However, the positive effect, which joining the EU brought about, is eclipsed by the social and economic costs*

that resulted from the tough neo-liberal reforms that were required. Despite the rejection of the role of geopolitical and geo-economic "bridge" between Russia and the West, the Russian factor continues to play a primary role in the political processes and foreign policies of these countries, while at the same time the Baltic states themselves prefer not to call themselves post-Soviet. Confrontational position that the Baltic states undertook in relation to Russia, is determined by political and ideological factors and has long-term destructive impact not only on the bilateral dialogue, but also on relations between Russia and the European Union.

KEYWORDS: Baltic states, Estonia, Latvia, Lithuania, political transit, socio-economic transit, European Union, EU, collapse of the USSR, post-Soviet area.